

© 2017 г.

Б.С. КОТОВ

ОЦЕНКА РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ ПОЛИТИКИ РУМЫНИИ В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1912–1914 годы)

Котов Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российского научного фонда (грант РНФ № 15-18-30087).

В начале XX в. отношения между Российской империей и Румынским королевством складывались непросто. Соседние страны входили в разные военно-политические блоки: Россия являлась частью Антанты, Румыния была тесно связана с Тройственным союзом. Совместная борьба с Османской империей в войне 1877–1878 гг., в ходе которой Румыния добилась полной независимости от Порты, осталась кратковременным эпизодом в истории русско-румынских межгосударственных связей. После завершения этой войны Бухарест занял антироссийскую позицию и в октябре 1883 г. заключил альянс с Австро-Венгрией и Германией, направленный против России¹. Причиной этого было возвращение России по итогам русско-турецкой войны Южной Бессарабии, отторгнутой от нее решением Парижской мирной конференции 1856 г. и переданной Молдавскому княжеству (в 1862 г. после объединения Молдавии и Валахии эта территория оказалась в составе румынского государства). Несмотря на то, что одновременно Румыния при поддержке России получила Северную Добруджу с портом Констанца, потеря бессарабских земель вызвала крайне болезненную реакцию румынского правящего класса и значительной части румынского общества, породив устойчивые русофобские настроения. Хотя после Берлинского конгресса Россия, оказавшаяся в изоляции и терявшая на Балканах одну позицию за другой, больше и думать не могла об экспансии в Юго-Восточной Европе, страх перед Россией и призраком панславизма продолжал определять внешнеполитический курс Бухареста в конце XIX и начале XX вв.

Антирусские настроения в Румынии умело подогревались Австро-Венгрией и Германией, которые были заинтересованы в том, чтобы направить внешнеполитическую активность и ирредентистские устремления молодого румынского государства на восток, в сторону российской Бессарабии, а в случае войны с Россией — использовать против нее румынскую армию. По планам венских и берлинских стратегов, Румыния должна была стать «барьером» между южными славянами и Россией, преграждая последний путь на Балканы. Австро-Венгрия, вовлекая Румынию в орбиту своего влияния и притягивая ее к Тройственному союзу, решала еще и другую важную задачу: таким образом она отвлекала внимание румынской общественности от тяжелого положения трансильванских румын, подвергавшихся дискриминации и насильственной мадьяризации. Румынский правящий класс фактически принес в жертву союзу с Австро-Венгрией интересы соплеменников по ту сторону Карпат, отказавшись от поддержки борьбы румын Трансильвании за свои национальные права.

Заключая союз с Австро-Венгрией и Германией, правители Румынии рассчитывали, что в будущей войне с Россией им удастся не только вернуть южные районы

¹ Агаки А.С. Присоединение Румынии к Тройственному союзу. — Проблемы внутри- и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени. Кишинев, 1988.

Бессарабии, но и присоединить всю эту российскую губернию вплоть до Днестра. Наряду с этим фактором, толкавшим Румынию в объятия Тройственного союза, существовала ее зависимость от австро-германского капитала, завоевавшего прочные позиции в ведущих отраслях румынской экономики, в частности, нефтедобыче. Немаловажную роль в определении внешнеполитического курса придунайского государства играли и личные пристрастия короля Кароля Гогенцоллерна, который, будучи этническим немцем и родственником правившей в Пруссии (с 1871 г. — Германской империи) династии, с момента воцарения на румынском троне в 1866 г. использовал все возможности для укрепления в Румынии германского и австрийского влияния. В силу отмеченных причин румынский государственный корабль на протяжении нескольких десятилетий двигался в фарватере политики Тройственного союза².

Ситуация начала меняться лишь в последние годы перед Первой мировой войной. Вооруженный конфликт между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция и Черногория) и Османской империей, разразившийся в октябре 1912 г. и переросший спустя восемь месяцев в Межсоюзническую войну с участием Румынии, радикально изменил расстановку сил на Балканах и Ближнем Востоке. Следствием двух Балканских войн 1912—1913 гг. стала потеря турками практически всех своих владений в Европе, усиление Сербии и Греции, поделивших между собой львиную долю османского наследства на Балканах, ослабление Болгарии и крайнее обострение австро-сербских отношений, угрожавшее сохранению европейского мира. Чрезвычайно усилив межимпериалистические противоречия, Балканские войны стали прологом и важнейшим катализатором Первой мировой войны.

Для румынской внешней политики и российско-румынских отношений Балканские войны также стали поворотным пунктом. Опасения болгарской гегемонии в регионе и желание румынского правящего класса принять участие в территориальном переделе Балканского полуострова предопределили антиболгарскую позицию Румынии и ее вступление в межсоюзническую войну на стороне Сербии и Греции. Это вызвало серьезные разногласия между Румынией и Австро-Венгрией, покровительствовавшей болгарам. Стремление австрийской дипломатии пересмотреть условия Бухарестского мирного договора, оказавшегося очень выгодным для Румынии, было крайне негативно воспринято в королевстве. С этого момента начинается постепенный отход Румынии от австро-германского блока и сближение с Россией, ярким проявлением которого стала торжественная встреча царя Николая II и короля Кароля I в румынском порту Констанца в июне 1914 г. Эта встреча обозначила поворот во внешнеполитическом курсе Бухареста, который завершился в августе 1916 г. разрывом Румынии с ее союзниками Германией и Австро-Венгрией и вступлением Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты.

Российское общество внимательно следило за событиями на Балканах. Основную информацию оно получало через прессу, являвшуюся на рубеже XIX—XX вв. главным источником массовой информации, важным инструментом формирования и репрезентации общественного мнения. Выступление балканских христианских государств против Турции, их векового притеснителя, вызвало в России живейший отклик. Газеты ежедневно публиковали передовые статьи и фельетоны, посвященные балканскому конфликту, военные обзоры, отчеты военных корреспондентов в действующих армиях балканских государств, беседы с дипломатами, как русскими, так и иностранными. Газетные полосы занимали телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПА), иностранных информационных агентств и собственных корреспондентов.

Политика Румынии, сыгравшей не последнюю роль в событиях на Балканах 1912—1913 гг., становилась объектом критического анализа российских газет. Впервые позиция Бухареста в связи с начавшимся на Балканах вооруженным конфликтом привлекла внимание прессы зимой 1912—1913 гг., когда правительство Т. Майореску

² *Виноградов В.Н.* Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами. — В «пороховом погребѣ Европы» 1878—1914 гг. М., 2003, с. 135—164.

предъявило территориальные претензии Болгарии, потребовав в качестве компенсации за сохранение нейтралитета передать Румынии Силистрию и большую часть принадлежавшей болгарам Добруджи³. Свои требования Румыния подкрепила приведением армии в полную боевую готовность. Бухарестские политики воспользовались моментом, когда почти вся болгарская армия находилась на фракийском театре войны с турками, а северная граница Болгарии была открыта для вторжения румынских войск. Уверенности в своих силах румынскому руководству добавляло возобновление в разгар конфликта из-за Добруджи 23 января (5 февраля)⁴ 1913 г. секретного австро-румынского союзного договора⁵.

Румынские претензии к Болгарии, осложнявшие и без того крайне напряженную ситуацию на Балканах, были негативно восприняты почти всей российской прессой. Хотя в сентябре 1912 г. Каролу I был вручен русский фельдмаршальский жезл в память о совместных действиях двух армий в войне 1877–1878 гг., общественность России не была уверена, что новоявленный русский фельдмаршал не двинет свои войска против Болгарии на помощь терпящим поражения туркам. Локальный румыно-болгарский конфликт мог легко перерасти в общеевропейскую войну, поскольку Румыния находилась в военном союзе с империей Габсбургов, а Россия традиционно имела тесные связи с Болгарией.

Русские газеты сходились в том, что Румыния, угрожая тылу Болгарии и косвенно — всего Балканского союза, выступала в качестве орудия Австро-Венгрии, при помощи которого Вена осуществляет давление на победителей Турции с целью урезать их территориальные приобретения. Лейтмотивом почти всех статей, посвященных политике Румынии, было бедственное положение румын в венгерской части империи Габсбургов. Таким образом, русская печать хотела «открыть глаза» румынам на то, что «естественным» направлением экспансии румынского государства могут быть только принадлежавшие Австро-Венгрии области к западу от Карпатских гор, присоединение которых возможно лишь при благожелательном нейтралитете Балканского союза или же в тесном единении с ним.

Газета конституционно-демократической партии (кадетов) «Речь», констатируя в феврале 1913 г., что опасность румынского вторжения в пределы Болгарии как никогда велика, писала: «после балканских побед над Турцией и в особенности после движения сербов к Адриатическому морю Австрия делает Румынию той ширмой, из-за которой она систематически старается создать повод для осложнений на Балканах»⁶. Газета «Речь» опасалась, что вторжение румынской армии в пределы Болгарии может стать камнем, который вызовет лавину общеевропейской войны. Если Бухарест решится на этот рискованный шаг, то это будет означать одно: в Вене момент для провоцирования России считают благоприятным.

Аналогичную точку зрения высказывала авторитетная либеральная газета «Русские ведомости», контролировавшаяся кадетами. Ее венский корреспондент П. Звездич (П.И. Ротенштерн) был уверен, что Румыния выдвинула свои требования об уступке Силистрии с ее болгарским населением только потому, что чувствовала за собой поддержку Австрии. «Больше того, никогда Румыния, сначала колебавшаяся довольно заметно, не вступила бы на этот путь политических вымогательств, если бы Австрия прямо не понуждала ее к этому»⁷. Натравливая румын на болгар, габсбургская дипломатия тем самым закрыла для Румынии возможность присоединиться к Балканскому союзу и, опираясь на его ресурсы, стать центром притяжения, «Пьемонтом» для проживающих в Австрии и Венгрии румын.

³ Hall R. The Balkan Wars 1912–1913. Prelude to the First World War. London, 2000, p. 77–78.

⁴ Здесь и далее в скобках указаны даты по новому стилю.

⁵ Căzan G.N., Rădulescu-Zoner Ș. Rumăniien und der Dreibund 1878–1914. București, 1983, S. 233.

⁶ Речь, 5.II.1913.

⁷ Русские ведомости, 12.I.1913.

С кадетами были согласны октябристы, также опасавшиеся перерастания румыно-болгарского конфликта в большую войну с участием великих держав. Рупор «Союза 17 октября» газета «Голос Москвы» подчеркивала, что болгары не уступят Силистрию без боя. Если румыны попытаются силой настоять на выполнении своих требований, Россия вынуждена будет ответить на румынский удар в тыл Балканскому союзу введением своих войск в Молдавию и Валахию. Это, в свою очередь, может стать «casus belli» для Австро-Венгрии и Германии. Таким образом, утверждал «Голос Москвы», «в готовящейся европейской войне Румынии будет принадлежать роль застрельщика»⁸.

Консервативные «Московские ведомости» сообщали, что агрессивная политика Бухареста находит горячий отклик в Вене и Берлине: там надеются, что нападение на Болгарию приведет к полному разрыву Румынии как с Балканским союзом, так и с Россией. Отмечая провокационную роль австрийских и немецких газет, постоянно напоминавших румынам, что главным врагом Австро-Венгрии и Германии является Россия, «Московские ведомости» писали: «Австрийская и германская печать, поддерживая свои правительства, хочет закрыть румынам глаза на то, что в австрийской Трансильвании находится под чужой властью 3 миллиона румын. Туда только могут быть направлены национальные стремления Румынского королевства»⁹.

Влиятельная газета «Новое время», близкая к лагерю русских националистов и правому крылу октябристов, также не сомневалась, что за идеями о компенсациях Румынии за счет болгарской Добруджи стоит венская дипломатия. Столкнуть Румынию и Болгарию, ликвидировав возможность перехода Румынии на сторону Балканского союза, отвлечь внимание румынского общества от «естественных национальных задач», связанных с судьбой румын Трансильвании и Буковины, направив его на этнически болгарскую и ненужную Румынии область — вот цель очередной австрийской интриги. «События развиваются с чрезвычайной быстротой, и в ближайшем будущем мы увидим, устоял ли против лукавых искушений румынский здравый смысл», — писало «Новое время» в конце 1912 г.¹⁰

«Русское слово», одна из самых информированных и популярных газет России того времени, предполагало, что министр иностранных дел габсбургской империи граф Л. Берхтольд, не встретив сочувствия своим агрессивным планам ни в Германии, ни в Италии, решил использовать в качестве инициатора войны с Балканским союзом послушную Румынию¹¹. Газета заявляла, что Россия должна сделать все для того, чтобы болгары сохранили Силистрию и Добруджу, в случае необходимости начав мирную блокаду румынского побережья. Если Россия капитулирует перед Румынией в этом вопросе, то на ее статусе великой державы можно будет поставить крест¹².

Известная своими тесными связями с правительственными сферами газета «Биржевые ведомости» отмечала, что Румыния, предъявляя свои претензии к Болгарии, угрожает тылу Балканского союза в тот момент, когда лондонские переговоры Турции с ее противниками застопорились и в любой момент могут вылиться в возобновление боевых действий. На эту угрозу покровительствующие Балканскому союзу страны Антанты должны найти прямой и ясный ответ; «этот ответ показал бы балканским союзникам, что их интересы не будут принесены в жертву новоявленному претенденту на участие в плодах войны»¹³. Вместе с тем, газета все же допускала удовлетворение румынских претензий лишь «в самых узких пределах», не поясняя, что конкретно она имеет в виду¹⁴.

Осуждая официальную политику Бухареста, русская пресса одновременно указывала на благоприятный для России поворот общественных настроений в Румынии.

⁸ Голос Москвы, 6.II.1913.

⁹ Московские ведомости, 6.X.1912.

¹⁰ Новое время, 18.XI.1912.

¹¹ Русское слово, 17.X.1912.

¹² Русское слово, 30.XII.1912.

¹³ Биржевые ведомости, 23.XII.1912.

¹⁴ Биржевые ведомости, 30.XII.1912, 5.I.1913.

Газеты писали, что все больше румын сомневаются в правильности ориентации на австро-германский блок, который за тридцать лет не принес Румынии ничего, кроме натянутых отношений с Россией и изоляции от победоносного Балканского союза. Отмечая, что Бухарест стоит теперь на распутье между Тройственным союзом, с одной стороны, и Антантой и Балканским союзом, с другой, русская пресса утверждала: от того, каким образом будет решен румыно-болгарский спор, мирным соглашением или же военным путем, зависит весь дальнейший курс румынского государства. Выступив с оружием в руках против болгар, румыны тем самым навсегда привяжут себя к империи Габсбургов с ее антиславянской и антироссийской политикой; мирное же решение спора из-за Силистрии открывает для румын перспективу вступления в будущем в Балканский союз на правах полноправного члена и возможность, опираясь на него, бороться за освобождение своих соплеменников в Трансильвании и Буковине.

«Новое время» обращало внимание на всегда существовавший разлад между германофильскими симпатиями короля Кароля I и придворных сфер и настроениями широких кругов румынского общества, традиционно симпатизирующих Франции как романской державе. Последняя война, продемонстрировавшая силу объединившихся балканских народов и слабость Австрии, не сумевшей получить ничего из османского наследства, дала еще больший толчок к изменению общественных настроений в Румынии: там все громче звучат голоса, призывающие к объединению с победоносным Балканским союзом¹⁵. «Новое время» считало, что России следует всемерно поддерживать и укреплять подобные настроения в соседней стране. Для этого российская дипломатия должна не допустить военного столкновения Болгарии и Румынии и разрешить конфликт между ними таким образом, чтобы, не отталкивая болгар, привлечь на сторону России симпатии румын¹⁶.

«Голос Москвы» в декабре 1912 г. отмечал, что Румыния в одночасье превратилась в важный фактор европейской политики¹⁷. При этом газета октябристов подчеркивала, что для Румынии еще не поздно сделать выбор и перейти в стан балканских победителей, ведь только став членом Балканского союза, Румыния сможет бороться за права румын в Трансильвании и других областях империи Габсбургов. «Вместе с тем исчезнут из политического обихода обидное прислуживание, необходимость заискивания в сильных соседях, словом, Румыния перестанет играть роль бедной приживалки, на которую при случае можно и прикрикнуть, как это и делала частенько Австро-Венгрия»¹⁸.

Идею сближения с Румынией на антиавстрийской основе разделяла и газета «Утро России», которая отражала интересы крупной русской буржуазии, представленной партией прогрессистов. Ученый-славист А.Л. Погодин на страницах этой газеты подчеркивал, что румынский вопрос, учитывая состояние российско-австрийских отношений, имеет для России большое значение: «Следует привлечь Румынию к России, и, конечно, не одним фельдмаршалским жезлом, который не может же быть волшебной палочкой, но и более реальными отношениями»¹⁹. Погодин намекает, что только при поддержке России румыны смогут решить проблему Трансильвании.

Менее оптимистично в отношении перспектив российско-румынского сближения было настроено «Русское слово». Эта газета не верила в возможность разрыва между Бухарестом и Веной, полагая, что России лучше не увлекаться смутными идеями о перетягивании Румынии на свою сторону, так как это только может насторожить болгар. Ничем не оправдываемые претензии румынского правительства к своему южному соседу, выгодные только Австрии, демонстрируют, насколько политика Бухареста все

¹⁵ Новое время, 18.XI.1912.

¹⁶ Новое время, 7.III.1913.

¹⁷ Голос Москвы, 7.XII.1912.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Утро России, 30.XI.1912.

еще зависима от указаний из Вены²⁰. Такой же точки зрения придерживались во время Первой Балканской войны и «Биржевые ведомости», заявлявшие в феврале 1913 г.: «Румыния находится вполне под влиянием Австрии, и, в случае войны последней, Румыния — ее несомненный союзник против нас»²¹.

Пока пресса обсуждала перспективы развития российско-румынских отношений в контексте продолжавшейся на Балканах войны, российское внешнеполитическое ведомство активно искало варианты решения болгаро-румынского конфликта. Его позицию определяли, прежде всего, два обстоятельства. Во-первых, российская дипломатия во главе с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым стремилась к улучшению отношений с Бухарестом, остававшихся после Берлинского конгресса холодными и отчужденными²². Сближение Румынии с Россией и другими странами Антанты неизбежно привело бы к переориентации ее внешнеполитической активности с южного (Добруджа) и восточного (Бессарабия) на западное направление — в сторону венгерской Трансильвании и австрийской Буковины с их преобладающим румынским населением.

Во-вторых, министерство иностранных дел России опасалось военного вмешательства Румынии в войну Балканского союза с Турцией, что поставило бы Болгарию и ее союзников в очень сложное положение и, кроме того, грозило втягиванием в войну Австрии, связанной с Бухарестом военным союзом. Чтобы не допустить этого вмешательства и последующих политических осложнений, необходимо было дипломатическим путем решить болгаро-румынские разногласия из-за Добруджи, даже за счет некоторых уступок со стороны Софии. В результате российская дипломатия заняла двойственную позицию: не отвергая идею территориальных компенсаций для Румынии за счет Болгарии, она стремилась ограничить эти компенсации минимумом и на этой основе найти мирное решение болгаро-румынского спора.

Сначала болгары отказались рассматривать румынские требования. Однако борьба России и Австро-Венгрии за симпатии Румынии облегчала румынам решение их задач²³. 6 (19) февраля 1913 г. представители шести великих держав на Лондонской конференции обратились к правительствам Румынии и Болгарии с предложением передать спор между двумя странами на решение великих держав. Результатом последовавшей медиации, во время которой страны Тройственного союза настаивали на принятии румынских требований во всем их объеме, а страны Антанты стремились уменьшить румынские аппетиты, стало подписание 26 апреля (9 мая) 1913 г. Санкт-Петербургского протокола. Решения, зафиксированные в Санкт-Петербургском протоколе, не удовлетворили ни Болгарию, ни Румынию. Болгарам пришлось отказаться от крупного города Силистрии с трехкилометровой зоной вокруг него, румынам же пришлось довольствоваться присоединением лишь одного этого города — все остальные территориальные претензии Бухареста на болгарскую Добруджу были отклонены великими державами²⁴.

К этому времени резко обострились противоречия внутри Балканского союза — между Болгарией, с одной стороны, Сербией и Грецией, с другой. Назревание конфликта было на руку румынским правящим кругам, которые хотели максимально использовать ситуацию в своих целях и добиться от Болгарии уступки всей Южной Добруджи до линии Туртукай-Балчик. Дождавшись начала боевых действий между Болгарией и Сербией, король Кароль I подписал приказ о мобилизации румынской армии. При этом в Бухаресте рассчитывали не только на собственные штыки, но и на помощь австрийского союзника. Однако здесь румынских политиков ждало большое

²⁰ Русское слово, 30.XII.1912.

²¹ Биржевые ведомости, 6.II.1913.

²² Сазонов С.Д. Воспоминания. Берлин, 1927, с. 127.

²³ Rossos A. Russia and the Balkans. Inter-Balkan rivalries and Russian foreign policy 1908–1914. Toronto, 1981, p. 140.

²⁴ Жебокрицкий В.А. Болгария в период Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961, с. 143–147.

разочарование. В Вене не желали втягивания в войну Румынии на стороне антиболгарской коалиции: это чрезвычайно усложняло положение Болгарии, которую австрийцы негласно поддерживали, и способствовало победе Сербии — главного врага империи Габсбургов. Поэтому австрийская дипломатия, насколько это было в ее силах, пыталась удержать Бухарест от разрыва и военного конфликта с Болгарией²⁵.

Антисербская позиция Австро-Венгрии вызывала раздражение и недовольство румынских правящих сфер, видевших в Сербии естественного союзника против Болгарии, а потому не хотевших ослабления сербского государства. Нежелание Вены потворствовать территориальному расширению Румынии подняло волну антиавстрийских настроений в этой стране, проявлением которых, в частности, стала состоявшаяся 3 июля 1913 г. в Бухаресте демонстрация под лозунгами: «Хотим войны!», «Долой коварную Австро-Венгрию!», «Довольно нам австрийской опеки!»²⁶. Союз с империей Габсбургов и раньше не был популярен в Румынии — соседняя великая держава воспринималась, прежде всего, как угнетатель румынского населения Трансильвании. Поведение же Австро-Венгрии во время Второй Балканской войны летом 1913 г. вбило клин в австро-румынские отношения, продемонстрировав глубокие противоречия между двумя странами.

Убедившись в тщетности надежд на австрийское содействие, правители Румынии решили достичь своей цели иными средствами — в союзе с Сербией и Грецией. 28 июня (11 июля) румынские войска перешли границу, заняли Силистрию и начали движение вглубь болгарской территории. Часть их, переправившись через Дунай, двинулась к столице Болгарии Софии. Понимая бесперспективность войны на два фронта, болгарский генштаб отдал приказ войскам отходить, не оказывая румынам сопротивления. Хотя румынской армии не пришлось вести боев с болгарями, ее продвижение к Софии явилось важным военным фактором, предопределив быстрый разгром и капитуляцию Болгарии²⁷.

Известие об активном выступлении Румынии было с тревогой воспринято в России. Царское правительство, к которому Болгария обратилась с просьбой о посредничестве, безуспешно пыталось остановить наступление румынских войск. Кровавый конфликт на Балканах расширялся, втягивая все новые страны. Вторжение Румынии в пределы Болгарии вызвало негативную реакцию русской прессы. Российское общество болезненно воспринимало ослабление одного из славянских государств, исторически тесно связанного с Россией и пользовавшегося ее покровительством. Кроме того, на страницах газет высказывалось опасение, что сербы и греки, ободренные румынской поддержкой, будут проявлять непримиримость по отношению к Болгарии, что затруднит достижение взаимоприемлемого мира и создаст почву для новых конфликтов.

«Утро России» расценило образ действий Румынии как издевательство над международным правом и традициями войны. По словам этой газеты, «разбойное нападение Румынии на Болгарию создает прецеденты, как бы целиком выхваченные из диких времен глухого средневековья»²⁸. Уничтожая Болгарию, ее противники попирают ими же выставленный принцип равновесия на Балканах. «На неспособное к отпору государство, боевая мощь которого разгромлена победоносным противником, с алчностью мародеров набрасываются его соседи, стремясь подобно трусливым гиенам урвать свою долю добычи»²⁹.

²⁵ *Williamson S.* Austria-Hungary and the Origins of the First World War. London, 1992, p. 144.

²⁶ История Румынии 1848–1917. М., 1971, с. 377.

²⁷ *Milachkov V.* The Romanian Invasion on the Territory of Bulgaria June – July 1913.— 100 години от Балканските войни. Извори и документи. Международна научна конференция. 11 ноември 2013. София, 2015, p. 561.

²⁸ Утро России, 11.VII.1913.

²⁹ Там же.

Кадетская «Речь», отличавшаяся пылкими проболгарскими симпатиями, в дни Второй Балканской войны выступила с решительным осуждением политики сербо-греческого блока и примкнувшей к нему Румынии. Российский историк и социолог М.М. Ковалевский на страницах этой газеты назвал поведение Румынии «неслыханным вероломством», «грубейшим нарушением нейтралитета со стороны державы, не принимавшей непосредственного участия в освободительной войне и, тем не менее, уже получившей при посредничестве России значительные выгоды насчет соседа»³⁰. Ковалевский не разделял надежд части российской политической элиты, что активное выступление Румынии приведет к ее разрыву с Австрией и Тройственным союзом.

Октябристский «Голос Москвы» призвал оказать Болгарии военную помощь против Румынии, предупреждая, что в противном случае Россия полностью потеряет всякое влияние на Балканах, которые перейдут под протекторат Австрии³¹. Публицист этой газеты Н.П. Мамонтов подчеркивал, что усиление Румынии за счет Болгарии не отвечает интересам России. «Румыния — переметчица. Сегодня она с нами, завтра она — боковой авангард Австрии»³². Мамонтов настаивал, что на мобилизацию румынской армии следует ответить решительными мерами, которые сразу бы охладили воинственный пыл Бухареста и продемонстрировали бы румынским политикам, что Россия не позволит «безнаказанно вырвать лучший кусок из живого мяса обессиленной Болгарии».

«Биржевые ведомости» признавали обоснованность румынских притязаний на Силистрию, без обладания которой румынам сложно защитить свои задунайские владения, но не видели оправданий для оккупации остальных районов Южной Добруджи. Желание румын провести границу по линии Туртукай—Балчик, по мнению газеты, нельзя обосновать ни стратегическими соображениями, ни этнографическими аргументами; это действие «чисто агрессивного характера» и объясняется лишь «самым откровенным намерением прибрать то, что плохо лежит»³³. «Биржевые ведомости» призывали румынское правительство одуматься, проявить умеренность и не предъявлять болгарам чрезмерных требований, поскольку превращение Болгарии в озлобленного врага, мечтающего о реванше, — не в интересах Румынии³⁴.

«Новое время» писало, что в результате попыток Афин и Белграда не допустить установления болгарской гегемонии, на Балканах появился новый гегемон — Румыния, от которой в значительной степени зависит урегулирование балканского кризиса. Обращение болгарского царя Фердинанда к румынскому монарху с просьбой о содействии в скорейшем заключении мира³⁵ газета рассматривала как официальное признание исключительной роли Румынии, превратившейся в «подлинного распорядителя судеб балканских народов»³⁶. От этой роли отказалась дипломатия великих держав, и она переходит к государству маленькому, довольно слабому, но «руководимому решительной волей». При этом «Новое время» оговаривалось, что Румыния остается лишь авангардом Австро-Венгрии: «она сияет на Балканском полуострове отраженным светом».

³⁰ Речь, 30.VI.1913.

³¹ Голос Москвы, 23.VI.1913.

³² Голос Москвы, 23.VI.1913.

³³ Биржевые ведомости, 6.VII.1913.

³⁴ Биржевые ведомости, 12.VII.1913.

³⁵ 9(22) июля 1913 г. болгарский царь Фердинанд направил телеграмму румынскому королю Каролу с просьбой о прекращении боевых действий и посредничестве Румынии в урегулировании конфликта между Болгарией и ее противниками — Сербией, Грецией и Черногорией. Фактически это было признанием политического доминирования Румынии на Балканах, сумевшей воспользоваться последствиями распада Балканского союза и итогами Межсоюзнической войны.

³⁶ Новое время, 7.VII.1913; 26.VII.1913.

Иной точки зрения придерживалось «Русское слово». Эта газета негативно относилась к болгарской политике и во время Второй Балканской войны поддерживала Сербию и Грецию. Румынское выступление она восприняла с пониманием: «Если на Балканах заговорили не о правах угнетенных национальностей, а о политическом равновесии, то нельзя отказать и Румынии в праве произнести свое слово»³⁷. По мнению газеты, действия бухарестского правительства означали фактический разрыв Румынии с Тройственным союзом и формирование совершенно новой политической обстановки на Балканах, где Австро-Венгрия теряет свою последнюю надежную опору. Поменяв свое первоначально скептическое отношение к возможности установления «сердечного согласия» в отношениях между Россией и Румынией, «Русское слово» приветствовало новый, независимый от Австрии, курс румынской внешней политики.

Особняком в дни Межсоюзнической войны стояла крайне правая печать России, отрицательно относившаяся к увлечению части российского общества славянофильскими идеями и призывавшая правительство меньше вмешиваться в балканские распри. Черносотенное «Русское знамя» писало: «А какое дело русскому народу до грызни братушек между собою? Румыны — православные, болгары тоже; князья у них — немцы; разницы между ними нет никакой, тем более, что князья у них одинаково лнут к вероломной Австрии. Будет ли Добруджа у болгар или румын — для России безразлично»³⁸.

На фоне втягивания в войну Румынии росли опасения российской общественности относительно поведения Австро-Венгрии: не исключалось, что она сама решительно вмешается в войну, дабы не допустить полного разгрома Болгарии и помешать усилению Сербии. В этой связи особый интерес вызывал вопрос, насколько самостоятельным является антиболгарское выступление Румынии и не скоординированы ли ее действия на Балканах с планами Австро-Венгрии. По этому вопросу в российской прессе высказывались разные точки зрения.

По мнению «Нового времени», агрессивные действия Бухареста вполне отвечали истинным планам венского кабинета. Румынское нашествие на Болгарию углубляет пропасть, разделяющую балканские народы, и позволяет австрийской дипломатии продолжать в этом регионе свою традиционную политику «*divide et impera*» («разделяй и властвуй», — *лат.*)³⁹. Ведущий публицист «Нового времени» М.О. Меншиков не верил, что боевые действия против Болгарии румыны предприняли без ведома австрийцев и вопреки их воле. Меншиков усматривал в этом очередной хитрый ход австрийской дипломатии: подготовку австрийского вмешательства в войну, в результате которого Балканский полуостров может быть разделен между Австро-Венгрией и Румынией⁴⁰.

Впрочем, на страницах этой газеты можно было встретить и иные оценки характера установившихся между Румынией и Австрией отношений. Корреспондент «Нового времени» Д. Янчевецкий сообщал, что румынское выступление стало неприятным сюрпризом для венских и будапештских политиков, которые теперь обвиняют румын в измене Тройственному союзу и переходе на сторону Антанты и сербо-греческого блока. По мнению корреспондента, внешняя политика Дунайской империи велась в то время в интересах только одной из ее половин — венгерской. Для мадьяр же главными противниками являлись составлявшие значительную часть населения Трансильтании сербы и румыны, ирредентистские устремления которых угрожали территориальной целостности венгерского государства. Болгария, сообщил Янчевецкий, видится Будапешту естественным союзником против сербов и румын⁴¹.

³⁷ Русское слово, 25.VI.1913.

³⁸ Русское знамя, 9.VII.1913.

³⁹ Новое время, 4.VII.1913.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Новое время, 14.VII.1913.

Наблюдения Янчевецкого подтверждались и сообщениями венского корреспондента «Русских ведомостей» Звездича, который писал, что вступление в войну против Болгарии Румынии, нарушающее все планы Австрии на Балканах, произвело в Вене ошеломляющее впечатление. «От Австрии, как от обреченной, начинают уже отказываться самые близкие друзья, — вот ощущение, которое вызвало здесь выступление Румынии»⁴². Звездич напоминал, что с Румынией империя Габсбургов всегда чувствовала тесную связь, основанную на страхе перед Россией и панславизмом. Теперь же эта связь рушится, Бухарест резко разворачивается в сторону врагов Австрии.

Такие же оценки давал корреспондент газеты «Русское слово» в столице Австро-Венгрии Л. Соколовский. Комментируя начавшуюся мобилизацию румынской армии, он сообщал, что австрийская дипломатия не имеет никакого отношения к антиболгарскому выступлению Румынии. Более того, ни австрийский посол в Бухаресте князь К. Фюрстенберг, ни министр иностранных дел граф Л. Берхтольд не знали о подготовке румынского вторжения в Болгарию⁴³. Самостоятельные, несогласованные с Австрией действия Румынии на Балканах, по мнению Соколовского, демонстрируют, что румынский народ и румынская элита не желают более приносить жертвы на алтарь Тройственного союза.

В результате Второй Балканской войны Болгария потерпела сокрушительное поражение и капитулировала 16 (29) июля 1913 г. Вслед за этим в Бухаресте под председательством румынского премьер-министра Т. Майореску начались переговоры между Болгарией, с одной стороны, Сербией, Грецией, Черногорией и Румынией, с другой, завершившиеся 28 июля (10 августа) подписанием мирного договора. Румынская дипломатия, взявшая на себя роль своего рода верховного арбитра в споре между болгарами и их противниками, добилась всех своих целей: по условиям Бухарестского мирного договора Болгария уступила Румынии территорию в 7500 кв. км до линии Туртукай—Балчик с населением в 250 тыс. чел., а также обязалась в двухлетний срок срыть все крепости на румыно-болгарской границе и не возводить новые.

Итоги Второй Балканской войны усилили позиции Румынии. Она заняла первое место среди балканских государств по площади (почти 140 тыс. кв. км) и по населению (7 млн 600 тыс. чел.)⁴⁴. Чтобы сохранить приобретенное, Румыния должна была опираться на Сербию и Грецию и искать поддержки России, что все более отдаляло ее от Австро-Венгрии. Союз с последней явно давал мало выгод румынским правителям, сковывая их свободу действий на международной арене. Отчуждение между Румынией и Австро-Венгрией еще более углубилось в августе 1913 г., когда габсбургская дипломатия потребовала пересмотра Бухарестского договора и исправления его постановлений, наиболее тяжелых для Болгарии. Против этого выступила даже Германия — ближайший союзник Австро-Венгрии. В Бухаресте же пропагандировавшаяся австрийцами идея пересмотра договора вызвала крайнее раздражение и дальнейшее усиление антиавстрийских настроений.

Российская дипломатия умело использовала благоприятную конъюнктуру для того, чтобы еще больше ослабить связи Румынии с Веной и Берлином, одновременно укрепив собственные позиции в Бухаресте. Отрыв Румынии от Тройственного союза был важен для России по стратегическим соображениям. Румыния территориально связывала Австро-Венгрию и Германию с их потенциальными союзниками в будущей войне — Болгарией и Турцией. «Привлечь на свою сторону Румынию, — отмечает историк Б.Б. Кросс, — означало для России перерезать этот путь, разорвать намечавшийся блок “центральных держав” на две изолированные группы»⁴⁵. К тому же потеря Ру-

⁴² Русские ведомости, 21.VI.1913.

⁴³ Русское слово, 21.VI.1913.

⁴⁴ Boeckh K. Von den Balkankriegen zum Ersten Weltkrieg. Kleinstaatenpolitik und ethnische Selbstbestimmung auf dem Balkan. München, 1996, S. 70.

⁴⁵ Кросс Б.Б. Румыния между Тройственным союзом и Антантой. Очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики. 1908—1914. Псков, 1996, с. 81—82.

мынии как союзника означала для немцев и австрийцев потерю румынских ресурсов — хлеба и нефти. Важным было и то, что Румыния после проведения военной реформы существенно увеличила численность своей армии — до 97 тыс. чел. в мирное время и до 382 тыс. чел. после мобилизации. Получить румынских солдат в свое распоряжение на случай войны с австро-германским блоком было не лишним для Антанты. Но даже нейтралитет Румынии ослаблял Центральные державы и освобождал часть русских войск для действий в Восточной Пруссии и Галиции.

Борьба с влиянием Тройственного союза в Бухаресте облегчалась тем обстоятельством, что экспансионистские устремления румынской элиты все активнее обращались на запад — в сторону населенных румынами областей двуединой монархии Габсбургов. Хотя румынское правительство, проявляя благоразумие и предусмотрительность, не заявляло открыто о своих притязаниях на австро-венгерские территории, оно тайно поощряло ирредентистскую пропаганду по обоим склонам Карпат. По мере того, как множились признаки ослабления и разложения Австро-Венгрии, все более тесными становились контакты между политическими кругами Бухареста и руководителями румынского национального движения в Венгрии. Зимой 1913—1914 гг. при поддержке бухарестского правительства румынские депутаты венгерского сейма попытались договориться с премьер-министром Венгрии И. Тисой об улучшении положения румын в Трансильвании. Однако продолжавшиеся несколько месяцев переговоры закончились провалом из-за упорного нежелания венгерской стороны идти на существенные уступки⁴⁶.

Стремясь сохранить Румынию в Тройственном союзе и загладить собственные ошибки времен Бухарестской мирной конференции, министерство иностранных дел Австро-Венгрии осенью 1913 г. отправило послом в Бухарест графа О. Чернина, славшего румынофилом и последовательным противником мадьяризаторской политики венгерского правительства. Однако миссия Чернина оказалась безуспешной: слишком далеко зашли разногласия между двумя государствами. Австрийский дипломат быстро понял, что союзный договор с Румынией превратился в «клочок бумаги»⁴⁷. Внешнеполитическая линия Бухареста заметно менялась в неблагоприятную для австро-венгерской дипломатии сторону. От безоговорочной ориентации на Тройственный союз Румыния перешла к лавированию между ним и Антантой.

Балканский кризис 1912—1913 гг. привел к значительному улучшению отношений между Россией и Румынией и к их взаимному сближению⁴⁸. Этот процесс продолжился и в последние месяцы, предшествовавшие Первой мировой войне, когда у власти в Румынии находилось либеральное правительство И. Брэтиану.

Проявлением поворота Румынии в сторону России стали взаимные визиты представителей правивших в обеих странах династий. В марте 1914 г. наследник румынского престола принц Фердинанд вместе с женой и старшим сыном принцем Каролом совершили поездку в Россию, где встретили радушный прием. Высокие румынские гости некоторое время жили в летней резиденции Романовых Царском Селе. Спустя три месяца последовал ответный визит русского монарха в Румынию. 1 (14) июня 1914 г. Николай II вместе с императрицей Александрой Федоровной, наследником цесаревичем и дочерьми прибыл на яхте «Штандарт» из Одессы в румынский порт Констанца. Здесь царя и членов его семьи встречал король Кароль I и вся политическая элита румынского государства. Констанцское свидание прошло в торжественной обстановке, став кульминацией российско-румынского сближения перед Первой мировой войной.

Политический характер этого визита подчеркивался присутствием в свите российского императора министра иностранных дел Сазонова. В течение нескольких

⁴⁶ История Венгрии, т. II. М., 1972, с. 475—477.

⁴⁷ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005, с. 98.

⁴⁸ Виноградов В. Н. Румыния: медленный дрейф к Антанте. — В «пороховом погребке Европы» 1878—1914 гг.

дней своего пребывания в Румынии он вел переговоры с королем и премьером Брэтиану. Важнейшим итогом этих переговоров было заверение, данное Брэтиану, что в случае войны России с Австро-Венгрией вследствие нападения последней на Сербию дороги России и Румынии «опять встретились бы, так как для Румынии также нет никакого расчета допускать ослабление Сербии»⁴⁹. Хотя Румыния все менее считала себя связанной обязательствами перед Тройственным союзом, до окончательного ее перехода в лагерь Антанты летом 1914 г. было еще далеко. Быстрой переориентации внешнеполитического курса мешало сопротивление румынских германофилов во главе с королем Каролом, а также огромная экономическая зависимость Румынии от австро-германского блока.

Курс Сазонова на отрыв Румынии от Тройственного союза получил одобрение со стороны русского общества: идея сближения с королевством на антиавстрийской основе пользовалась популярностью среди русских газет разной политической ориентации. Отношение русской прессы к соседней стране в последние месяцы перед Первой мировой войной существенно изменилось, став гораздо более благожелательным; исчезли негативные оценки румынской политики, превалировавшие в ходе Балканских войн. В России все громче звучали призывы добиться восстановления Балканского союза (на этот раз в составе Сербии, Греции, Черногории и Румынии), который стал бы опорой России и Антанты на Балканах и преградой для движения австро-германского блока на юг — в сторону Константинополя и Салоник. Проводя аналогии между наступлением на права трансильванских румын и преследованием русин в прикарпатских комитатах Венгрии, российская пресса подчеркивала, что русские и румыны имеют общих врагов в лице венгерского шовинизма и австрийского экспансионизма.

Во второй половине 1913 — первой половине 1914 гг. газеты указывали на возросшую роль Румынии в балканских и европейских делах, отмечая, что в будущей войне на континенте позиция, которую займет эта страна, станет существенным фактором победы той или другой коалиции. При этом выражалась надежда, что обозначившийся в ходе Балканских войн поворот румынской политики приведет эту страну в лагерь Антанты. Широкая поддержка идеи сближения с Румынским королевством не в последнюю очередь была связана с тем, что российское общество с обидой и негодованием наблюдало за ростом русофобских и проавстрийских настроений в Болгарии, которая после заключения Бухарестского мира уходила из-под влияния России и стремительно сближалась с австро-германским блоком. Установление дружественных отношений с Румынией, как и укрепление связей с Сербией, казалось лучшим ответом на переход «неблагодарной» Болгарии в лагерь врагов России.

Спустя полгода после окончания Балканских войн «Новое время» писало, что Румыния ранее считалась «каким-то пасынком международной политики», однако, драматические события лета 1913 г. радикально изменили ее положение в Европе и отношение к ней великих держав. Совещания Бухарестской мирной конференции «еще раз подчеркнули и окончательно утвердили решительный, безапелляционный авторитет Бухареста в балканских делах»⁵⁰. Не менее важную роль, по мнению газеты, могла сыграть Румыния в судьбе Австро-Венгерской монархии, насчитывавшей в своем составе по меньшей мере четыре миллиона румын. «Новое время» не верило в мирное разрешение румыно-венгерского конфликта, считая, что трансильванский вопрос можно решить только войной⁵¹.

О попытках австрийской дипломатии восстановить свои позиции в Румынии, пошатнувшиеся во время Балканских войн, сообщало в феврале 1914 г. «Русское слово»⁵².

⁴⁹ Кросс Б. Б. Русско-румынские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. — III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974, с. 11.

⁵⁰ Новое время, 31.I.1914.

⁵¹ Новое время, 17.II.1914.

⁵² Русское слово, 6.II.1914.

Газета считала, что главным препятствием на пути к самостоятельной национально ориентированной политике Румынии остается ее огромная экономическая зависимость от Австро-Венгрии, имеющей прочные позиции в банковской сфере, нефтяной промышленности, железнодорожном строительстве и поставках вооружений для румынской армии. При этом подчеркивалось, что противники односторонней ориентации на Вену и Берлин отнюдь не являются убежденными антантофилами; официально они выступают за политику «свободных рук». «Русское слово» приходило к выводу, что Румыния стоит на перепутье, она «в данный момент сама еще не знает, кого она будет поддерживать, против кого будет выступать»⁵³.

Интерес русской прессы к Румынии возрос весной 1914 г. в связи с визитом в Россию наследника румынского престола принца Фердинанда. Усматривая в этом визите яркую демонстрацию нового независимого курса румынской внешней политики, газеты превозносили румынских Гогенцоллернов за готовность поставить национальные интересы вверенной им страны выше династических чувств. Так, «Голос Москвы», ошибаясь в оценке политических симпатий и пристрастий румынского короля, объявлял Кароля I чуть ли не главой проантантовского движения в Румынии⁵⁴. «Новое время» также хвалило румынского монарха, который, как полагало издание, в ходе Балканских войн осознал, что «национальные интересы его народа требуют снова сближения с Россией»⁵⁵. Газета «Утро России» особо подчеркивала, что старшего сына Фердинанда, двадцатилетнего принца Кароля, многое сближает с Россией: в отличие от отца и венценосного деда, он исповедует православие, к тому же по линии матери, принцессы Марии Саксен-Кобург-Готской, он приходится троюродным племянником Николаю II⁵⁶.

Отдав должное румынской династии, пресса обратилась к анализу последствий успешного дрейфа Румынии в сторону Антанты. «Русское слово» в марте 1914 г. с удовлетворением отмечало, что за последние полтора года Бухарест почти полностью освободился от опеки со стороны монархии Габсбургов; это проявилось в установлении дружественных отношений с Сербией и Грецией для обеспечения политического равновесия на Балканах⁵⁷. Сообщая о попытках германской дипломатии сколотить на Балканах коалицию Турции, Албании, Греции и Румынии, ориентированную на Тройственный союз, «Русское слово» указывало, что Румынии нет никакого смысла вступать в антисербскую политическую комбинацию. Румыния и Сербия являются естественными союзниками как перед лицом «ненавистного болгарского империализма», так и в противостоянии с Австро-Венгрией, угнетающей в своих пределах миллионы сербов и румын⁵⁸.

На это же обстоятельство указывала и «Речь», отмечая, что главная проблема в румыно-австрийских отношениях — безоговорочная ставка Вены на Болгарию. «Теперь, когда Австро-Венгрия идет с Болгарией, Румынии ничего не остается как держаться России, и это тем более для нее удобно, что на этом пути она встречает и помощь Сербии»⁵⁹. Австрийский корреспондент «Речи» М.Б. Ратнер писал весной 1914 г., что Румыния потеряна для Австрии в качестве союзника. Причину этого журналист усматривал в ошибках австрийской дипломатии и лично министра иностранных дел Л. Берхтольда. «Ехидное стремление сохранить дружественные отношения с Румынией и в то же время возрастить наперекор Румынии “великую Болгарию” привело

⁵³ Там же.

⁵⁴ Голос Москвы, 16.III.1914.

⁵⁵ Новое время, 15.III.1914.

⁵⁶ Утро России, 12.III.1914.

⁵⁷ Русское слово, 4.III.1914.

⁵⁸ Русское слово, 4.IV.1914.

⁵⁹ Речь, 23.III.1914.

в конце концов к тому, что австрийская дипломатия оказалась благополучно сидящей меж двух стульев»⁶⁰.

Аналогично оценивала состояние румыно-австрийских отношений газета «Утро России». В марте 1914 г. она писала: «Как бы ни сложились грядущие события, на союзную помощь или, по меньшей мере, на доброжелательный нейтралитет Румынии ее австро-венгерской соседке рассчитывать не приходится. В роковой момент полумиллионная румынская армия на стороне Тройственного союза не окажется»⁶¹. «Утро России» сообщало, что в Венгрии, имеющей давние исторические счеты с румынами, уже поговаривают об усилении гарнизонов и создании новых корпусов на восточной границе специально против Румынии. Отныне для всех в Австро-Венгрии становится ясным, что былым мечтам о боевом товариществе с румынами против России настал конец; Вена и Будапешт стоят теперь перед необходимостью радикальной переработки плана национальной обороны⁶².

«Новое время» подчеркивало, что продолжавшаяся в течение тридцати лет ориентация на Вену, Берлин и Рим обрекла Румынию на роль мелкого сателлита в союзе трех великих держав⁶³. Однако события 1913 г. продемонстрировали румынам, насколько ошибочен и бесплоден для их страны этот политический курс. Констатируя, что атмосферу австро-румынских отношений существенно отравляет продолжающаяся политика насильственной ассимиляции румын Трансильвании, «Новое время» весной 1914 г. сообщало о следовавших один за другим инцидентах, подливавших масло в огонь румыно-венгерской распри⁶⁴. Наиболее значительным из них стало покушение на епископа С. Миклоши⁶⁵, продемонстрировавшее, по словам газеты, «ту бездну ненависти, которая в продолжение последних месяцев накопилась между венгерским и румынским обществом»⁶⁶.

«Московские ведомости» считали, что у России и Румынии нет никаких поводов для споров, усматривая причину сохранявшихся в течение десятилетий весьма прохладных отношений между двумя странами исключительно в происках венской и берлинской дипломатии. Газета выражала надежду, что прибывающий в Петербург принц Фердинанд «получит возможность убедиться, что более искреннего друга и покровителя, чем Россия, румынский народ не имеет»⁶⁷. Другой точкой опоры для румынской политики, по мнению «Московских ведомостей», могла стать Франция, родственная румынам романская держава. Весной 1914 г. газета сообщала об участившихся визитах в Бухарест видных французских деятелей — академика Лакур-Гайе, редактора газеты «Тан» Тардье, генерала Пелиссье, отмечая, что всегда сохранявшиеся в придунайском королевстве симпатии к Франции вызывают опасения и недовольство в Берлине и Вене⁶⁸.

⁶⁰ Речь, 27.III.1914.

⁶¹ Утро России, 12.III.1914.

⁶² Утро России, 20.III.1914.

⁶³ Новое время, 16.III.1914.

⁶⁴ Новое время, 13.III.1914; 10.V.1914.

⁶⁵ 11(24) февраля 1914 г. в венгерском городе Дебрецен было совершено покушение на униатского епископа Стефана Миклоши. Хотя Миклоши не пострадал, от взрыва присланной ему по почте посылки погибли несколько его ближайших помощников. Как установило следствие, посылка с «адской машиной» была отправлена из Черновцов румынами, недовольными созданием нового униатского епископства в городе Хайдудорог и насильственным приобщением к нему румын. Епископство, в котором службы велись на венгерском, было образовано в июле 1912 г. с санкции Рима. Несмотря на протесты румынского духовенства и прихожан, к нему были присоединены церковные общины, насчитывавшие более 73 тыс. румын. Учреждение епископства в Хайдудорог было воспринято проживавшими в Венгрии румынами как покушение на свободу вероисповедания и еще один шаг к насильственной мадьяризации.

⁶⁶ Новое время, 17.II.1914.

⁶⁷ Московские ведомости, 16.III.1914.

⁶⁸ Московские ведомости, 23.III.1914.

Не видела причин для конфликтов между Россией и Румынией и крайне правая газета «Земщина». В статье, посвященной приезду румынских гостей, она утверждала, что России и Румынии нечего делить. «Скорее, у нас может быть общая цель — освобождение русских и румын из-под венгерского гнета»⁶⁹. Правда, газета тут же оговаривалась, что время для этого еще не настало, а потому Россия и Румыния не стремятся сейчас «ни к каким приключениям». Выражая радость в связи с приездом румынского наследного принца в Россию, «Земщина» писала, что визит этот будет содействовать укреплению взаимного доверия между двумя странами.

Энтузиазм российского общества по поводу сближения с Румынией достиг своего пика в июне 1914 г., на фоне констанцских торжеств. Почти все ведущие газеты России опубликовали в эти дни передовые статьи, посвященные встрече Николая II и Кароля I в румынском порту. В них говорилось об общности интересов двух стран, заинтересованных в сохранении на Балканах установленного Бухарестским договором «status quo». Русская пресса придавала большое значение свиданию в Констанце, указывая, что оно выходит далеко за рамки обычного акта вежливости. В сближении России и Румынии газеты усматривали новый залог упрочения европейского мира. Вспоминая о совместной борьбе против Османской империи, они подчеркивали, что Румыния была первым балканским государством, освобожденным от турецкого господства кровью русских солдат.

«Новое время» обращало внимание на атмосферу, окружавшую визит Николая II в Румынию, и черты, которые придали этому событию особую окраску и значение. Отмечая чрезвычайно гостеприимный и сердечный характер приема, оказанного царю и членам его семьи, газета писала: «В Констанце русскую императорскую чету встретила с приветом не одна только румынская официальная власть, формально обязанная к тому международным этикетом, а Румыния как нация»⁷⁰. «Новое время» очень высоко оценивало значение поворота румынской политики для России. Накануне констанцкого свидания на страницах этой газеты публицист М. О. Меньшиков отмечал, что сближение с Румынией стало самой значительной дипломатической победой России за последнее время. «Даже строгий нейтралитет ее представляет большую ценность в готовящемся столкновении тройственных коалиций»⁷¹.

«Русское слово» утверждало, что сильная Румыния нужна России, главным образом, как противовес австро-немецкому «Drang nach Osten» («походу на Восток». — *Нем.*), угрожавшему интересам России и сохранению европейского мира⁷². Эта газета, известная своими тесными связями с российским министерством иностранных дел и не раз использовавшаяся им в качестве официоза, в день констанцкого свидания выступила с панегириком румынской внешней политике. В статье «Оплот мира»⁷³ расхваливалось миролюбие Румынии, руководствующейся в своих действиях, якобы, не узко эгоистическими интересами, а бескорыстными усилиями, направленными на сохранение и укрепление политического равновесия на Балканском полуострове.

«Голос Москвы» писал, что «события недавнего времени раскрыли румынскому народу глаза и показали, где его друзья и где — враги»⁷⁴. Общественные настроения в Румынии под влиянием продолжающегося преследования румын в Венгрии и проболгарской позиции Вены во время Межсоюзнической войны лета 1913 г. резко качнулись в сторону России и других держав Антанты. Заслуга русской дипломатии, по мнению газеты, заключалась в том, что ей удалось использовать соответствующие настроения румынского общества для того, чтобы через конкретные шаги завязать узы сближения двух наций.

⁶⁹ Земщина, 16.III.1914.

⁷⁰ Новое время, 3.VI.1914.

⁷¹ Новое время, 29.V.1914.

⁷² Русское слово, 3.VI.1914.

⁷³ Русское слово, 1.VI.1914.

⁷⁴ Голос Москвы, 3.VI.1914.

«Московские ведомости» в статье, посвященной торжествам в Констанце, отмечали, что за последние месяцы в отношении румын к Австрии произошел поворот. Румынские газеты полны сообщениями о бедственном положении соплеменников в Австро-Венгрии; при этом подчеркивается, что двуединая империя нежизнеспособна и должна распасться, а Румынии следует проводить самостоятельную политику на международной арене. Правда, газета не решалась предсказывать, насколько далеко отойдет Румыния от Тройственного союза: «Национальный эгоизм должен был сказать: если не с Тройственным союзом, то без него, что еще не значит *против* него»⁷⁵.

«Биржевые ведомости» сразу после завершения констанцкого свидания опубликовали интервью своего корреспондента Инсарова (Е.Н. Шелькинга) с видными политиками Румынии: министром иностранных дел Парумбаром⁷⁶, бывшим премьер-министром Таке-Ионеску⁷⁷, бывшим министром финансов и лидером Консервативной партии Маргеломаном⁷⁸ и одним из лидеров оппозиции консерватором Филиппеску⁷⁹. Все четыре государственных деятеля приветствовали сближение с Россией, заявив, что у двух соседних стран имеются общие интересы на Балканах, заключающиеся в сохранении мира на основе условий Бухарестского договора. Исходя из своих собственных наблюдений и бесед с румынскими политиками, Инсаров приходил к выводу, что на данном этапе Бухарест отнюдь не собирается разрывать связи с Тройственным союзом и входить в орбиту Антанты. Скорее Румыния будет балансировать между двумя могущественными коалициями, сохраняя свободу рук⁸⁰.

Еще большую осторожность, если не сказать скептицизм, относительно перспектив русско-румынского сближения демонстрировала «Речь». Эта газета призывала российское общество не предаваться иллюзиям и не делать поспешных выводов о, якобы, произошедшей полной переориентации внешнеполитической линии Бухареста. «Было бы слишком поспешно принимать бесспорно наступившее в отношениях между Румынией и Тройственным союзом охлаждение за окончательный и непоправимый разрыв. Правильнее предположить здесь просто один из приемов обычной для балканской дипломатии игры на два фронта»⁸¹. «Речь» предупреждала, что, если Австрия сможет гарантировать Бухаресту какой-нибудь новый лакомый кусок, румынские политики «найдут старые проторенные пути к дверям венских дипломатических канцелярий». А потому — делала вывод газета — все политические расчеты, основанные на «дружбе» с Румынией, представляют собой фантастические и сомнительные спекуляции.

Прямо противоположной точки зрения придерживались черносотенные издания, не скрывавшие своих симпатий к Румынии из-за проводившейся в этой стране политики государственного антисемитизма. Такие газеты, как «Русское знамя» и «Земщина» выражали большое воодушевление в связи с констанцской демонстрацией русско-румынской дружбы и призывали российскую дипломатию укреплять связи с Сербией и Румынией в противовес Австро-Венгрии и ее «балканскому вассалу» Болгарии.

«Русское знамя», приветствуя сближение России и Румынии, писало, что это перенаправит взгляды румынских политиков и военных с Бессарабии на Трансильванию, что само по себе выгодно России. Рупор Союза русского народа сравнивал встречу в Констанце с торжествами в Кронштадте и Тулоне 1891 и 1893 гг., ставшими зримым проявлением зарождающегося русско-французского союза⁸². «Торжественно

⁷⁵ Московские ведомости, 1.VI.1914.

⁷⁶ Биржевые ведомости, 3.VI.1914, вечерний выпуск.

⁷⁷ Биржевые ведомости, 4.VI.1914, вечерний выпуск.

⁷⁸ Биржевые ведомости, 10.VI.1914.

⁷⁹ Биржевые ведомости, 10.VI.1914, вечерний выпуск.

⁸⁰ Биржевые ведомости, 10.VI.1914.

⁸¹ Речь, 1.VI.1914.

⁸² Русское знамя, 22.V.1914.

провозглашенная в Констанце дружба великой православной России с православною соседкою Румынией служит началом новой эры в европейском равновесии»⁸³.

«Земщина» также расценила торжества в Констанце как демонстрацию полного разрыва Румынии с Германией и Австрией и формирования русско-румынского альянса. Вспоминая русско-румынское братство по оружию в войне против Турции 1877–1878 гг., газета писала: «Кровь, пролитая за общее дело, скрепляет союзы народов крепче самых торжественных бумажных договоров, и пусть гром пушек, который раздастся ныне на Констанцском рейде, возвестит всему миру, что этот давний союз России и Румынии стал прочнее и крепче, чем когда-либо»⁸⁴.

Таким образом, за последние два года перед мировой войной 1914–1918 гг. отношение русского общественного мнения к Румынии радикально изменилось. Во время Первой Балканской войны ее политика подвергалась в российской прессе жесткой критике, а сама эта страна воспринималась как авангард Австро-Венгрии в Юго-Восточной Европе, послушно проводящий антиславянский и антирусский курс по указке из Берлина и Вены. В дни Межсоюзнической войны летом 1913 г. оценка действий Румынии на международной арене уже не была столь однозначной. Отмечая рост противоречий между Румынией и империей Габсбургов, российские газеты подчеркивали, что это дает шанс дипломатии стран Антанты привлечь Румынию на свою сторону. После же заключения Бухарестского мирного договора, прочертившего глубокую линию размежевания между Румынией, с одной стороны, Болгарией и поддерживавшей ее Австро-Венгрией, с другой, в России все чаще стали смотреть на Румынию как на возможного союзника в будущей войне с австро-германским блоком.

Как показывает анализ русской прессы, идея сближения с Румынией во второй половине 1913 – первой половине 1914 гг. пользовалась широкой общественной поддержкой, что облегчало министерству иностранных дел России во главе с Сазоновым проведение соответствующего курса. Особенно ярко симпатии российского общества к Румынии проявились в дни констанцских торжеств, которые были расценены как демонстрация заключения русско-румынского союза. На фоне общего ликования печати по поводу наступления новой эры русско-румынской дружбы выделялась позиция кадетских изданий, не веривших в возможность окончательного разрыва между Румынией и Австро-Венгрией и призывавших Россию сделать ставку на Болгарию. В целом роль Румынии и ее значение в будущей европейской войне несколько преувеличивались русскими газетами, считавшими, что от того, с кем пойдет эта страна, будет во многом зависеть исход противоборства двух коалиций великих держав.

В значительной мере пресса России забежала вперед и выдавала желаемое за действительное, когда писала о переориентации румынской внешней политики на Антанту, как о свершившемся факте. Констанцское свидание и созданная им благожелательная и доверительная атмосфера российско-румынских отношений, действительно, способствовали перетягиванию Румынии в лагерь России, Франции и Англии. Однако было бы опрометчиво утверждать, что после Констанцы внешнеполитический курс Румынии был предопределен. Когда разразилась Первая мировая война, румынские правящие круги явно решили не торопиться, посмотреть, как развернутся события, и вступить в войну в тот момент, когда ее исход станет более или менее ясным, и на стороне той коалиции, которая окажется сильнее и успешнее на полях сражений. Лишь знаменитый Брусиловский прорыв 1916 г., подорвавший боеспособность австро-венгерской армии и обозначивший окончательный переход стратегической инициативы от Центральных держав к Антанте, положил конец колебаниям румынского руководства.

⁸³ Русское знамя, 4.VI.1914.

⁸⁴ Земщина, 1.VI.1914.